

УДК 94(47).084.8

Ханнанов Рустам Флюрович

старший научный сотрудник

ГБУК «Национальный музей Республики Татарстан»

филиал «Музей-мемориал Великой Отечественной войны»

г. Казань, Республика Татарстан

Khannanov Rustam Flurovich

Senior Researcher

GBUK «National Museum of the Republic of Tatarstan»

branch «Museum-Memorial of the Great Patriotic War»

Kazan, Republic of Tatarstan

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РККА**В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ****THE TRANSFORMATION OF LANGUAGE POLICY****IN THE RED ARMY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы языкового барьера у части красноармейцев и младших командиров Красной армии, а также поиска выхода из этого положения политическими органами в 1941–1943 гг. Раскрыто влияние незнания русского языка как на боеспособность подразделений, сформированных по национальному признаку, так и на взаимоотношения военнослужащих годы Великой Отечественной войны. В работе обосновывается, что одним из эффективных методов работы с бойцами нерусских национальностей стала пропагандистская работа на их родных языках.

Ключевые слова: нерусские народы, Красная Армия, Главное политическое управление, русский язык, родные языки, народы СССР, национальный вопрос.

Abstract: the article considers the problem of ignorance of the Russian language by Red Army soldiers and junior commanders of the Red Army and the way out of this situation in 1941–1943 by political bodies. The language barrier during the

Great Patriotic War affected not only the combat capability of units made up of representatives of different peoples of the USSR, but also led to conflicts. One of the methods of working with fighters of non-Russian nationalities was propaganda work in the native languages of these fighters.

Keywords: *non-Russian peoples, Red Army, Main Political Directorate, Russian language, native languages, peoples of the USSR, national question.*

Многонациональный состав населения СССР не мог не отразиться на комплектовании РККА, начиная с самого ее создания. Тем более после октября 1917 г. в ряды армии начали призываться граждане РСФСР (а затем и СССР) национальностей, которые в Русскую императорскую армию не призывались. В первую очередь – это народы Средней Азии и мусульманские народы Северного Кавказа и Закавказья.

Вместе с этим перед руководством страны и армии явственно встал языковой вопрос: военнослужащие из представителей нерусских национальностей либо плохо, либо вообще не владели русским языком. Эта проблема сохранилась накануне и в начале Великой Отечественной войны.

6 июля 1940 г. ЦК ВКП(б) издал Постановление «Об обучении русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка», которое обязывало «наркомпросы союзных и автономных республик организовать без отрыва от производства обучению русскому языку призывников, подлежащих призыву в Красную армию и не знающих русского языка» [9, с. 559].

Согласно Записки начальника Главного управления политической пропаганды Красной армии А.И. Запорожца секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову от 28 марта 1941 г. работа наркомпросов по обучению русскому языку призывников признавалась «неудовлетворительной» [9, с. 662]. Проведенная отделом школ ЦК ВКП(б) проверка выявила, что на 1 апреля 1941 г. подлежало обучению 670 495 призывников, из них в союзных республиках – 525 589 человек. Из этого количества, за исключением РСФСР, обучением оказалось охвачено

75,5% призывников. В РСФСР подлежало обучению 144 906 призывников, но Народный комиссариат просвещения РСФСР сведений по охвату обучением предоставить не смог. Самые низкие среди союзных республик показатели по охвату обучением были в Карело-Финской ССР (32% призывников) и Азербайджанской ССР (24,2%) [9, с. 622–623].

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война заставила свернуть различные проекты по исправлению языковой ситуации. За период с 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1942 г. в ряды Красной армии ориентировочно было мобилизовано 1 149 000 представителей неславянских народов [1, с. 310]. К 1 июля 1942 г. численность бойцов и командиров из неславянских народов составляла 1 668 591 человек, а максимума этот показатель достиг к 1 июля 1943 г. – 1 981 597 бойцов и командиров неславянских национальностей [1, с. 341].

Языковой вопрос в формируемых на территории Закавказья и Средней Азии частей встал в это время наиболее остро. Так, в 392-й стрелковой дивизии, сформированной в Закавказском военном округе при общей штатной численности стрелковой дивизии в 14 483 бойца и командира 4204 человека не говорили по-русски, 2415 – плохо владели русским языком [1, с. 215].

Одним из вариантов выхода из ситуации виделось в создании национальных частей. 13 ноября 1941 г. вышло Постановление Государственного комитета обороны №894/сс о формировании национальных войсковых соединений.

Национальные части предполагалось создать во всех среднеазиатских республиках, а также Башкирской, Калмыцкой, Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР [9, с. 1095].

Командирский состав предполагалось по возможности обеспечить кадрами нерусских национальностей. Так, 7 декабря 1941 г., в разгар битвы за Москву подчиненным 5-й армии Западного фронта частям и соединениям отделом кадров армии предписывалось: «отобрать и откомандировать начальствующий состав следующих национальностей.

1. Башкир, татар – в распоряжение отдела кадров Южно-Уральского Военного округа г. Уфа.
2. Туркмен, узбеков, киргизов – в распоряжение отдела кадров САВО г. Ташкент.
3. Калмыков – в распоряжение отдела кадров Сталинградского округа – г. Сталинград.
4. Кабардинцев, чеченцев, ингушей, осетин – в распоряжение Отдела кадров СКВО – г. Армавир» [4].

Однако даже такие меры не смогли в полной мере обеспечить должный уровень военной подготовки. Зачастую срок подготовки очень сильно растягивался, командиров со знанием языка попросту не хватало. При этом в ненациональных частях работа с личным составом продолжалась вести исключительно на русском языке. Данная проблема закономерно вызывала отчуждение среди бойцов разных национальностей. Иногда такие разногласия на фоне того, что бойцы не понимали русского языка (в том числе национальных частях), приводили к тому, что даже в национальных частях выявлялись факты неподобающего поведения со стороны некоторых военнослужащих. Так, в рапорте заместителя начальника политотдела 110-й (калмыцкой) кавалерийской дивизии от 24 июня 1942 г отмечалось, что «личный состав дивизии состоял из людей преимущественно старших и средних возрастов (60–70%), значительная часть из них исключительно слабо или совершенно не знает русского языка...

...но между тем большинство командиров и политработников (85%) совершенно не знают языка бойцов» [2, с. 41–42].

Отсутствие достаточного числа командиров и политработников со знанием языка, согласно текста, выливалось в то, что некоторые представители младшего и среднего командного состава позволяли себе «недостойное советского человека поведение».

Нужно отметить, что политорганы и органы безопасности тщательно мониторили ситуацию, виновные выявлялись и подвергались наказанию. Так в выписке из спецсообщения Управления особых отделов НКВД об отношении

некоторых командиров и политработников частей Южного фронта к бойцам нерусских национальностей от 12 апреля 1942 г. отмечены факты преступного поведения ряда командиров и политработников к пополнению «из восточных республик». В ряде случаев дело доходило до арестов: например, особым отделом Южного фронта был арестован командир 188-го кавалерийского полка Ольшанский за то, что негативно высказывался о бойцах нерусской национальности и отправлял пополнения из таких бойцов в бой без подготовки [9, с. 665].

С другой стороны, непонимание бойцами нерусской национальности русского языка приводило к тому, что они обособлялись от основной массы красноармейцев, формируя внутри подразделений своего рода землячества по национальному признаку.

Руководство армии, в том числе в лице Главного политического управления РККА видело выход из создавшейся ситуации не только в обучении бойцов русскому языку, но и в работе с ними на их родном языке. Первой «ласточкой» стало начала издания, в первую очередь, в национальных частях, газет на языках бойцов нерусской национальности.

23 февраля 1942 г. начальник ГлавПУ РККА Л.З. Мехлис обратил внимание на то, что в национальных соединениях необходимо издание газет на языке их личного состава. 11 марта 1942 г. начинает издаваться газета 224-й стрелковой дивизии 51-й армии на грузинском языке под названием «Грузинский стрелок» [7, с. 26].

С другой стороны, на национальный вопрос пристальное внимание обращал и противник. В упомянутом спецсообщении Управления особых отделов НКВД также отмечено:

«Бойцы восточных национальностей не обеспечиваются литературой и газетами на их родном языке. Между тем отмечены случаи, когда противник забрасывал в распоряжение наших частей листовки на языках этих национальностей» [9, с. 665].

Органы пропаганды вермахта с 1942 г. начинают со своей стороны активную обработку бойцов нерусских национальностей. В текстах листовок, как

правило, указывалось, что германская армия не воюет против конкретного народа, а несет ему свободу. Главным врагом этих народов в листовках назывались «русские», «большевики», «Москва» и т. п. Например, на аверсе листовки 273 Т/IX. 42. на татарском языке (текст на латинице) говорится:

«Тюрко-татары! Конец Москвы и большевиков принесет вам и спасение культуры. После того, как исчезнет Москва и большевики, у вас будет своя литература на своем языке, свои школы, свои университеты и другие учреждения. Вы будете жить, не пряча свои национальные традиции. Германия на этом пути принесет вам настоящее счастье».

На фоне этого противостояния, ГлавПУ в первой половине 1942 г. издает ряд приказов, согласно которым на фронтах предписывалось начать издание красноармейских газет на казахском, татарском, грузинском, армянском, азербайджанском языках. Во всех случаях их тираж должен составить до 5 000 экземпляров два раза в неделю за счет тиража фронтовой газеты. В штат фронтовых редакций вводились должности заместителя редактора, двух переводчиков, ревизионного корректора и двух наборщиков. Всего – по шесть человек на газету [5, с. 252].

Несмотря на эти начинания, непосредственно во фронтовых частях и соединениях пока и речи не было об организации политработы с бойцами нерусской национальности со стороны агитаторов и политработников. Исключением стали Московский, Приволжский, Южно-Уральский, Уральский и Сталинградский военные округа. В их адрес 22 мая 1942 г. была направлена Директива за подписью заместителя начальника ГлавПУ РККА армейского комиссара 2 ранга Ф.Ф. Кузнецова, которая предписывала с пополнением из Средней Азии массово-политическую работу с красноармейцами, не знающими русского языка, вести на родном для них языке [6, с. 140].

Однако переломным моментом в языковой политике в итоге стала Директива ГлавПУ РККА №12 от 17 сентября 1942 г. о воспитательной работе с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности. В директиве было подчеркнуто, что в Красной армии имеется значительное число

красноармейцев и младших командиров нерусской национальности, которые плохо или совсем не владеют русским языком. При этом указывалось, что «комиссары и политорганы недооценили всей важности политического воспитания бойцов нерусской национальности, забыли, что у каждого из них есть родной язык, свои обычаи, устоявшийся уклад национальной жизни, и стригут всех под одну гребенку, не учитывая национальных особенностей». В том числе и этим объяснялись факты чрезвычайных происшествий, невыполнения боевых приказов, членовредительств, дезертирств и измены Родине со стороны некоторой части красноармейцев нерусской национальности.

Кроме уже существующей практики по изданию фронтовых газет на языках бойцов нерусской национальности, директива предписывала разъяснение на родных для красноармейцев и младших командиров языках военной присяги, законов и приказов Ставки, вопросов текущей и национальной политики СССР. Кроме газет, фронтам и округам предписывалось начать издание листовок на языках нерусских национальностей.

Вслед за директивой в состав Управления агитации и пропаганды ГлавПУ РККА была включена редакционная группа из представителей разных национальностей, которая занималась переводами на разные языки, а также готовила оригинальные издания листовок. На май 1945 г. редакционно-издательскую группу возглавлял Герой Советского Союза, майор М. Габдуллин (казах) [4]. Редакторами-переводчиками в группе работали: майор А.С. Восканян (армянин); старший лейтенант А.М. Абдрахимов (татарин); капитан С.А. Аманжолов (казах); лейтенант Х.Г. Везиров (азербайджанец); старший лейтенант Г.И. Ломидзе (грузин); старший лейтенант Т. Рустамов (узбек); капитан К. Сагындыков (казах); старший лейтенант Я. Шиваза (дунган, работал на киргизском языке). Большая часть из них либо уже были профессиональными литераторами, переводчиками и филологами, либо стали известны на этом поприще уже в послевоенные годы.

Кроме газет и листовок редакционно-издательская группа занималась переводами брошюр с наставлениями для бойцов РККА. Например, за год с сен-

тября 1942 по сентябрь 1943 г. только редакцией газеты «Ведомости Верховного Совета СССР» был обеспечен выпуск следующих наименований брошюр:

- Памятка по обращению «Пистолет-пулемет обр. 1941 г. (ППШ)» на девяти языках (башкирском, таджикском, туркменском, казахском, узбекском, киргизском, армянском, грузинском и азербайджанском);
- Памятки по обращению и сбережению «7,62 мм винтовка», «Ручной пулемет Дегтярева» и «Противотанковое ружье Симонова» на башкирском языке;
- «Памятка командиру отделения автоматчиков» и «Памятка командиру отделения противотанковых ружей» на армянском и татарском языках.
- «Наставление по стрелковому делу» на башкирском языке;
- «Краткий военный разговорник» и «Памятка бойцу Красной армии» (азербайджанском, армянском, грузинском, казахском, киргизском, таджикском, туркменском, узбекском).

Всего же за указанный период «Ведомостями» было издано 523 наименования пособий на 12 языках: книги и брошюры, листовки, учебные плакаты [9, с. 770].

Кроме изданий политорганов от Глав ПУ до отдельных частей, одним из источников пополнения фондов газет, журналов и книг стали комитеты партий союзных и автономных республик. Во-первых, они централизованно высылали издаваемые на местах издания по фронтам. Во-вторых, работали по запросам непосредственно от частей. Например, такого рода запрос в октябре 1942 г. был направлен в Мордовский обком ВКП(б) от политотдела 43-й армии: «В частях кашей армии служит значительное количество бойцов-мордвин. Некоторые из них совершенно не знают русского языка. У бойцов большое желание читать газеты на своем родном языке, знать, что делается на их родине, в стране, на фронте». Далее по тексту указывалось о необходимости регулярной отправки 100 экземпляров газет на родных для мордвы языках.

Печатными агитматериалами, газетами и книгами работа с бойцами нерусской национальности не ограничивалась. Политорганами и подобранным активом из агитаторов для работы с нерусскими красноармейцами использовались и другие формы работы. В феврале 1943 г. на совещании ГлавПУ РККА был

представлен доклад начальника агитации и пропаганды Политуправления Северо-Западного фронта генерал-майора Андрея Огорокова. Формами агитационно-политической работы с бойцами нерусской национальности, используемых в частях и соединениях фронта были обозначены:

- беседы, доклады, политинформации, политзанятия, митинги на национальных языках;
- громкие читки газет, брошюр и художественной литературы на национальных языках;
- выступления на митингах, красноармейских, партийных и комсомольских собраниях на национальных языках;
- наглядная агитация на национальных языках: плакаты, светогазеты на киноплёнке.
- печатная пропаганда на национальных языках:
  - а) Национальные газеты фронтовая – казахская, татарская, узбекская;
  - б) боевые листки на национальных языках;
  - в) выписка национальных республиканских, областных и районных газет;
  - г) многочисленные брошюры, листовки, плакаты, разговорники, программы политбесед;
  - д) заметки в дивизионных и армейских газетах на национальных языках;
- повседневный показ в дивизионных и армейских газетах вопросов боевой дружбы народов СССР и популяризация отличившихся бойцов нерусской национальности;
- организация обучения русскому языку националов;
- переписка бойцов с колхозами, заводами, руководящими работниками национальных республик;
- посылка писем об отличившихся бойцах-националах родным и на место их работы;
- организация приема отличившихся бойцов и мл.командиров командованием дивизий и Военными Советами армий;
- национальная самодеятельность и многие другие формы [8, л. 212].

Одним из важнейших результатов после издания директивы №12 и начала работы с бойцами на их родных языках стало заметное уменьшение количества преступлений, дезертирств и т. п. Из справки начальника отдела агитации Управления агитации и пропаганды ГлавПУ РККА Рубинштейна начальнику Главного политического управления Красной армии А.С. Щербакову о политической работе с красноармейцами и младшими командирами нерусских национальностей от 5 августа 1943 г. [9, с. 757]:

«Ярким показателем укрепления воинской дисциплины среди красноармейцев и мл. командиров нерусской национальности и роста их политической сознательности является резкое сокращение количества чрезвычайных происшествий, воинских преступлений и проступков. Так, например, в 1072 сп 313 сд (Карельский фронт) в августе 1942 г. было 43 дисциплинарных проступка, в сентябре – 31, в октябре – 18, а с ноября 1942 г. по май 1943 г. дисциплинарных проступков со стороны бойцов и командиров нерусской национальности в этой части не было.

В войсках Ленинградского фронта среди татар и казахов в августе 1942 г. было 22 случая перехода на сторону врага, а в январе и феврале 1943 г. – 2 случая».

О подобном же докладывал начальник отделения агитации 59-й армии Волховского фронта полковник Манук Джараян 30 ноября 1942 г. во время совещания сотрудников политотделов и агитаторов Волховского фронта:

«Я должен прямо сказать, что сейчас вы редко найдете узбеков или казаха, который совершил бы какое-либо «ЧП», факты дезертирства со стороны бойцов нерусской национальности сведены до минимума, а в некоторых соединениях мы совсем не имеем» [8, с.385].

В итоге только комплексный подход со стороны органов управления РККА, который оставлял старые механизмы адаптации бойцов (обучение русскому языку) и вводил новые, позволил во многом нивелировать проблему с незнанием нерусскими бойцами русского языка. Несмотря на то, что негативные моменты в армии продолжали проявляться (как правило, их источники

имели конкретные имена, звания и должности), положительные моменты решений, принятых ГлавПУ РККА в сентябре 1942 г. в кризисные дни Сталинградской битвы, позволили не только сплотить армию, но и эффективно противодействовать вражеской пропаганде на языках народов СССР. В конце концов именно обращение к бойцу через его родной язык способствовало тому, что Красная армия единым многонациональным организмом закончила войну в Берлине, избежав внутри себя хоть сколько-нибудь значимых межнациональных конфликтов.

Список литературы

1. Безугольный А.Ю. Национальный состав Красной армии. 1918–1945. Историко-статистическое исследование / А.Ю. Безугольный. – М.: Центрполиграф, 2021. – 511 с. EDN BFCQTF
2. Великая Отечественная война. 1941–1945: документы и материалы. – Т. III. Национальные формирования Красной армии. – М.: Воевода, 2015. – 544 с.
3. Мордовия в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: док. и материалы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. – 567 с.
4. Память народа. Министерство обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 15.03.2024).
5. Русский архив: Великая Отечественная. – Т. 17 (6). Главные политические органы Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: док. и материалы. – М.: Terra, 1996. – 666 с.
6. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 13 (2–2). Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. – 1942 г. – М.: Terra, 1997. – 448 с.
7. Улизко П.В. «Тигр получит за всё...». Образ врага в красноармейской печатной пропаганде / П.В. Улизко // Военно-исторический журнал. – №8 (724). – 97 с.
8. ЦАМО. – Ф. 32. – Оп. 11302. – Д. 125.
9. ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. – Кн. 2. 1933–1945. – М.: РОССПЭН, 2009. – 1095 с.

Автор:

Ханнанов Рустам Флюорович – старший научный сотрудник ГБУК «Национальный музей Республики Татарстан» филиала «Музей-мемориал Великой Отечественной войны», г. Казань (Россия), e-mail: *hannanov_rf@mail.ru*

Author:

Hannanov Rustam Flyurovich – Senior researcher at GBUK «National Museum of the Republic of Tatarstan» branch «Museum-Memorial of the Great Patriotic War», Kazan (Russia).